

Дорисовувати сердце

Милена Стельмаченко

Милена Стельмаченко

Дорисовать сердце

«Автор»

2026

Стельмаченко М.

Дорисовать сердце / М. Стельмаченко — «Автор», 2026

"Что, если однажды ты проснёшься и не вспомнишь даже собственного имени? Что, если где-то далеко есть тот, кто ждал тебя каждый день, даже когда все сказали, что тебя больше нет?" Она должна была победить. Она должна была жить. Но однажды мир рухнул. Лада выжила. Но потеряла самое ценное — себя. Теперь она — другая. Девушка без прошлого, без памяти, без имени. Единственная зацепка — кольцо на пальце, которое она носит, сама не зная почему. Её ищут. Отец, брат и сестра, которые не сдаются. Подруга, которая хранит надежду. И Артём, мужчина, подаривший ей то самое кольцо, — он ищет даже тогда, когда все улики говорят, что её больше нет. Но сможет ли она вспомнить, кого любила? И что произойдёт, когда прошлое настигнет её в самый неожиданный момент?" "Дорисовать сердце" — история о любви, которая сильнее потери памяти. О людях, которые ждут даже тогда, когда весь мир говорит им остановиться. И о том, что дом — это не место. Это те, кто помнит тебя, даже когда ты забыла себя.

© Стельмаченко М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Милена Стельмаченко

Дорисовать сердце

Глава 1

Дорогой читатель,

Задумывался ли ты когда-нибудь, что важнее - любить или быть любимым? Любить - значит гореть, рисковать, отдавать себя без остатка, даже когда в ответ тишина. Быть любимым - значит чувствовать себя в безопасности, но иногда терять тот самый огонь, что делает жизнь живой. Может быть, идеал - в гармонии, когда два сердца бьются в унисон. Но даже если судьба пока не подарила тебе этого, помни: и любить, и быть любимым - дар. Просто каждый из них требует мужества. Эта история - о тех, кто выбрал любить. Даже когда мир говорил им, что это бессмысленно.

Лада с самого детства жила вдвоём с отцом, и этот уклад казался ей естественным - привычным, как запах домашней выпечки или скрип половиц в коридоре. О матери она почти ничего не знала: лишь смутный образ, застывший на фотографии в старом альбоме. Снимок лежал на одной и той же странице годами: женщина в светлом пальто, с лёгкой улыбкой, будто пойманной между делом. Лада редко брала альбом в руки - не из обиды, а скорее из ощущения, что эта часть жизни существует отдельно, где-то по ту сторону их с отцом будней. Да и особого любопытства не возникало: отец всегда был рядом, надёжный и постоянный, как стены родного дома.

Алексей Викторович, её отец, умел объяснять всё просто и без лишних драм. Когда Лада спрашивала про маму, он спокойно говорил, что та много работает и потому не может приехать. В его словах не было ни горечи, ни упрёка - только тихая констатация факта, к которой Лада со временем привыкла. Зато на каждый праздник приходили письма и подарки: конверты с аккуратным почерком, коробки с бантами, вещи, подобранные старательно, будто с желанием напомнить о себе, не нарушая чужого пространства. И Ладе этого действительно хватало. Она не чувствовала себя обделённой - скорее, воспринимала эти знаки внимания как отдельный, уютный ритуал, вплетённый в череду привычных дней.

В прошлом Алексей Викторович был успешным волейболистом - тем самым, о ком вспоминали с уважением в спортивных кругах. Его игра отличалась точностью и внутренней собранностью: он не стремился к эффектным ударам, зато каждый его пас был выверен до миллиметра. Но карьера оборвалась резко и беспощадно: серьёзная травма поставила точку в его спортивной истории. Это было не просто физическое повреждение - это стало переломом целой жизненной траектории. Однако Алексей Викторович не позволил себе сломаться. Он нашёл новый путь в тренерской работе, где мог передавать свой опыт, видеть, как другие раскрывают потенциал, и тем самым словно продлевать собственную связь с любимым спортом.

Когда Ладе исполнилось шестнадцать, привычный мир слегка сдвинулся с места: отец сообщил, что они переезжают в другой город. Решение не обсуждалось долго - оно было принято взвешенно, с учётом всех «за» и «против», и Лада не стала спорить. В новом месте всё казалось непривычным: другие улицы, другие маршруты, даже воздух будто пах иначе. Но Алексей Викторович быстро сориентировался: нашёл работу в спортивной школе, снова окупился в привычную среду, где его знания и опыт были востребованы. А вскоре в жизни семьи появилось ещё одно важное изменение - он женился на Елене Вячеславовне.

Елена Вячеславовна производила впечатление человека, который умеет держать равновесие даже в шторм. За её спокойной улыбкой угадывался немалый жизненный опыт: десять лет назад она оставалась вдовой и всё это время самостоятельно поднимала двоих детей. Двой-

няшки Паша и Алина росли под её заботливым, но требовательным крылом. И теперь, встретив Алексея Викторовича, она словно получила возможность разделить эту ответственность, не теряя при этом своей внутренней силы.

Паша и Алина оказались ровесниками Лады, и это во многом облегчило сближение. Подросстки, как правило, быстрее находят общий язык, если между ними нет разницы в возрасте, которая создаёт невидимые барьеры. Так и вышло: неловкость первых дней быстро уступила место естественным, почти незаметным взаимодействиям. Паша, серьёзный и немногословный, с первых недель дал понять, что воспринимает Ладу и Алину как своих сестёр на одном уровне - родном. Он не произносил громких слов, но его поступки говорили сами за себя: он старался оградить девочек от любых неприятностей, будь то конфликт в школе или просто тяжёлое настроение, которое хотелось спрятать от всех.

Девочки, в свою очередь, охотно поддерживали Пашу, особенно в учёбе. Математика и физика давались ему непросто, и каждая решённая задача становилась маленькой победой, в которую вкладывались все трое. Лада терпеливо объясняла сложные темы, раскладывая их на простые составляющие, а Алина добавляла к этому свою способность превращать скучные формулы в забавные истории - так материал запоминался легче. Эти совместные вечера за учебниками постепенно стали чем-то большим, чем просто помощь: они укрепляли доверие, показывали, что каждый из них важен и нужен остальным.

Так, шаг за шагом, из отдельных историй, из разных судеб, начала складываться новая семейная ткань - не по крови, а по выбору, по ежедневным маленьким усилиям быть рядом. И в этом новом укладе Лада не чувствовала себя чужой: напротив, она постепенно осознавала, что нашла место, где её принимают такой, какая она есть, без лишних вопросов и ожиданий.

Глава 2

Одним сентябрьским вечером Лада вышла из школьных дверей, и привычный городской шум вдруг обрушился на неё всей своей тяжестью - гул машин, чьи-то резкие голоса, скрип тормозов. Всё это звучало сегодня как-то особенно громко, будто мир нарочно старался заглушить ту звенящую тишину, что поселилась внутри неё с тех пор, как она поняла, что идёт домой одна. Алина лежала дома с температурой, а Паша задержался на дополнительных занятиях - и теперь эта пустота рядом, отсутствие их привычных голосов, делала каждый шаг каким-то слишком одиноким.

Она уже свернула в тихий переулок, где обычно они втроём смеялись над чем-то своим, когда резкий, надтреснутый голос ударил по ушам, словно кто-то дёрнул за невидимую струну:

- Дочка!

Лада вздрогнула, но тут же сделала вид, что не услышала. Плечи невольно напряглись, она чуть ускорила шаг, уставившись себе под ноги, будто от этого могла стать невидимой. «Это не мне, - повторяла она про себя, как заклинание. - Это точно не мне».

Но шаги за спиной зазвучали ближе, торопливые, неровные, и в следующее мгновение чья-то рука крепко, почти до боли, схватила её за запястье. Лада резко дёрнулась, вырвалась и отшатнулась назад, вжавшись спиной в шершавую стену старого дома.

Перед Ладой стояла женщина - точьвточь как на той старой фотографии из потёртого альбома, который Лада столько раз листала в детстве, пытаясь разглядеть в чертах незнакомки что-то родное. Та самая женщина, о которой отец говорил скупой и неохотной, будто каждое слово об этой части его жизни давалось ему с трудом. Та, чьё имя в их доме почти не произносили.

Лада застыла, чувствуя, как внутри всё сжимается от странного, колющего волнения. В горле пересохло, и вопрос получился тихим, едва слышным, будто она боялась спугнуть этот миг, если скажет громче:

- Мама?

Женщина медленно кивнула, протянула руку, будто хотела коснуться Лады, но тут же опустила, не решаясь нарушить эту хрупкую границу между ними.

- Да, - протянула она, и в этом одном слове было столько осторожной надежды, столько затаённой боли, что Лада невольно вздрогнула. - Лада, я вижу, что ты уже взрослая. Вижу, что ты выросла. И у меня есть к тебе предложение. Может быть, ты хочешь пожить с мамой? Я заберу тебя хоть сейчас, только скажи «да» или «нет».

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и простые одновременно. Лада почувствовала, как в груди поднимается волна обиды - горячей, острой. Она смотрела на женщину, которая вдруг появилась в её жизни, словно из ниоткуда, и требовала ответа, будто имела на это право.

- Тебя не было всю мою жизнь, - голос Лады дрогнул, но она не дала себе расплакаться. - А сейчас ты приходишь ко мне и говоришь, чтобы я собралась и уехала к тебе? Почему ты за все шестнадцать лет не могла приехать ко мне? Не могла хотя бы раз позвонить, написать, просто дать понять, что ты есть?

Женщина побледнела, будто каждое слово ударило её по самому больному. Она опустила глаза, сжала пальцы в кулаки, а потом снова подняла взгляд - в нём было столько невыплаканных слёз, столько бессилия, что на секунду Лада даже почувствовала укол жалости. Но обида всё ещё держала её крепче.

- Потому что твой отец запрещал мне, - тихо, но твёрдо ответила женщина. - Я постоянно ему звонила, умоляла, говорила, что тебе будет лучше жить со мной, чем с ним. Но он не хотел слушать. Он говорил, что я всё испорчу, что у меня не получится дать тебе то, что нужно. А я... я просто хотела быть рядом. Хоть как-то. Хоть издалека.

Лада слушала и не знала, что чувствовать. В её голове вдруг пронеслись все те вечера, когда она сидела у окна и представляла, как однажды дверь откроется и войдёт мама - улыбнётся, обнимет, скажет: «Прости, что так долго». И вот теперь эта мечта стояла перед ней, но вместо радости в душе была только пустота, смешанная с горечью.

- Ты хотела быть рядом, - повторила Лада, и голос её прозвучал неожиданно спокойно, будто внутри что-то щёлкнуло, и буря на мгновение утихла. - Но рядом - это не раз в шестнадцать лет с предложением «собирайся, поедem». Рядом - это каждый день. Это узнавать, что я люблю вишневое варенье, а не шоколад. Что я боюсь темноты, но никогда в этом не признаюсь. Что я плачу, когда никто не видит. Ты этого не знаешь. Ты ничего обо мне не знаешь.

Женщина закрыла глаза, будто пытаясь удержать слёзы, и кивнула, не пытаясь спорить. Она действительно ничего не знала. И от этого становилось только больше - и ей, и Ладе.

Вечер медленно опускался на город, затягивая улицы в сизо-фиолетовый сумрак, и когда Алексей Викторович открыл дверь квартиры, его встретил не привычный запах ужина и не тихие голоса домашних, а тяжёлая, звенящая тишина, которая пугала сильнее любого крика. Он ещё не успел снять куртку, как из комнаты вылетела Лада - глаза пылают, лицо бледное, будто из него выкачали все краски, а в каждом движении - обжигающая смесь боли и ярости.

- Ты все шестнадцать лет обманывал меня?! Как ты мог?! Я верила тебе! - её голос сорвался на крик, резкий, как удар хлыста, и этот звук резанул Алексея Викторовича по самому живому. Он замер, сжимая в пальцах лямку спортивной сумки, будто она могла удержать его на ногах, когда земля вдруг поехала из-под них.

- Нет, всё было не так, Лада, успокойся, пожалуйста... Дай мне объяснить, - он шагнул к ней, но тут же остановился: в её взгляде было столько обиды, что любое движение казалось вторжением, попыткой заставить её замолчать, не услышать. А он меньше всего хотел этого.

- Я не думала, что ты так со мной поступишь! - прошептала она, и это тихое, почти беззвучное признание оказалось страшнее любого крика. Из её глаз хлынули слёзы - не редкие, осторожные капли, а настоящий водопад, который она больше не могла сдерживать. Ладони сжались в кулаки, ногти впивались в кожу, будто эта маленькая боль могла перекрыть ту, что разрывала грудь.

Лада схватила ветровку с вешалки, пальцы дрожали, застёжка не поддавалась, и от этого становилось только хуже - будто даже вещи стоворились против неё. Наконец, куртка поддалась, она рывком распахнула дверь и выскочила на лестничную площадку, не слыша, как отец зовёт её по имени, как его голос дрожит, пытаясь прорваться сквозь её глухую стену непонимания.

На улице уже окончательно стемнело. Фонари горели тускло, будто устали светить, и их жёлтый свет ложился на асфальт неровными пятнами. Лада бежала, не разбирая дороги, не глядя по сторонам. Ей не нужно было куда-то прийти - ей нужно было убежать. От слов, от правды, от лжи, от того, что теперь всё, что она знала о своей жизни, рассыпалось на острые, колющие осколки, о которые больно было даже думать.

Ветер хлестал по щекам, смешиваясь со слезами, но она почти не чувствовала этого. В голове бушевала буря: обрывки фраз, воспоминания, картинки из детства сталкивались, кружились, не давая ни одной из них стать главной, ни одной - понятной. «Твой отец запрещал мне», - звучало в ушах голосом той женщины. И тут же, как в противовес, всплывало лицо отца: как он сидел с ней допоздна, когда она не могла решить задачу, как чинил её старый велосипед, как тихо радовался её маленьким победам. Как он мог быть и тем, и другим одновременно?

Она бежала, пока силы не начали таять, пока дыхание не стало рваным, а ноги - чужими, непослушными. В какой-то момент она просто свернула к ближайшей остановке, опустилась на холодную скамейку и обхватила себя руками, будто это могло удержать её от того, чтобы не рассыпаться окончательно.

Мимо проезжали машины и автобусы, их фары на мгновение выхватывали её из темноты и снова оставляли в полумраке. Никто не останавливался. Да и зачем? Для водителей и пассажиров она была просто тенью на остановке, чьё горе не видно сквозь стёкла. Людей на улице становилось всё меньше - все спешили домой, к своим родным, к тем, с кем можно было просто сесть рядом и выдохнуть: «День был тяжёлый». А Ладе сейчас меньше всего хотелось возвращаться туда, где её ждала эта новая, пугающая правда.

Она смотрела, как огни автобусов растворяются в темноте, и пыталась собрать мысли в кучу, но они разлетались, как сухие листья под порывом ветра. Кто из них говорит правду? Та женщина с заплаканным лицом, которая казалась чужой и в то же время такой знакомой? Или отец, который всю жизнь был для неё опорой, тем самым человеком, на которого всегда можно было положиться?

Слёзы уже не лились водопадом - они стали тихими, горькими, выматывающими. Лада уткнулась лбом в колени, пытаясь спрятаться от всего мира, и в этой темноте, среди редких огней и шума проезжающих машин, ей вдруг стало невыносимо одиноко. Хотелось, чтобы кто-то просто сел рядом, не задавая вопросов, не требуя ответов, и сказал: «Я здесь. Ты не одна». Но остановка хранила молчание, и только холодный ветер напоминал, что ночь только начинается, а впереди - долгие часы, когда придётся остаться один на один с этой бурей внутри.

Лада всё так же сидела, уткнувшись лбом в колени, когда рядом скрипнула доска скамейки - будто даже сама остановка осторожно выдохнула. Она не подняла головы: не хотела видеть чьё-то любопытное лицо, не хотела отвечать на дежурные «всё в порядке?», не хотела снова чувствовать, как внутри всё сжимается от одного только намёка на сочувствие.

Но этот человек не стал ничего спрашивать сразу. Просто сел рядом - не вплотную, а так, чтобы между ними оставалось немного пространства, будто специально давал понять: «Я не лезу, я просто посижу тут, если тебе это нужно». И от этой тихой, ненавязчивой заботы Лада вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло - не сломалось, а скорее чуть-чуть ослабло, как узел, который долго тянули, а теперь чуть отпустили.

- Нужна какая-нибудь помощь? - спросил он мягко, без напора, и голос у него был спокойный, будто он привык говорить так с теми, кому тяжело.

Лада только молча повертела головой, не в силах выдать ни слова. Ей казалось, что если она сейчас заговорит, то снова расплачется, а плакать уже не было сил. Но он не ушёл. Не стал настаивать. Просто посидел ещё немного, давая ей время, пока она пыталась собрать себя по кусочкам.

- Что-то случилось? - спросил он чуть позже, так же тихо, будто боялся спугнуть её, как пугливую птицу.

И тут плотина внутри Лады треснула. Слова полились сами, сбивчиво, с паузами, с всхлипами, которые она пыталась подавить, но они всё равно прорывались наружу. Она рассказала всё: про ту женщину у школы, про её слова про отца, про письма, которых, выходит, никогда не было, про тот жуткий, разрывающий душу разговор дома, про то, как она выбежала в темноту, потому что не могла больше слышать ни оправданий, ни тишины. Она говорила, а слёзы снова катились по щекам, но теперь это были уже не слёзы ярости - скорее, слёзы облегчения от того, что кто-то просто сидит рядом и слушает, не перебивая, не осуждая, не пытаясь сразу всё исправить.

Молодой человек молча слушал. Он не качал головой, не хмурился, не торопился с выводами. Просто кивал иногда, будто запоминая каждое слово, и ждал, пока Лада выговорится до конца, пока буря внутри неё немного уляжется.

Когда она наконец замолчала, в воздухе повисла тишина - но уже не та, что давила, а другая, спокойная, будто после грозы, когда небо всё ещё тёмное, но воздух уже свежий.

- Знаешь, - наконец тихо начал он, подбирая слова так, словно каждое из них было для него важным, - я бы, наверное, лучше хотел оказаться на твоём месте. Не потому, что тебе

сейчас легко, а потому что... у тебя есть родители. Даже если сейчас всё запуталось, даже если правда оказалась не такой, какой ты её себе представляла. У тебя есть тот, кто столько лет был рядом. Твой отец всё это время был для тебя защитой и опорой. А мать... Если бы она правда хотела быть с тобой, никто и ничто не помешало бы ей это сделать. Может, там была какая-то другая история, сложная, непонятная, но это точно стоит узнать у отца. Не гадать, не мучить себя догадками, а просто спросить.

Он на секунду замолчал, будто прислушиваясь к себе, и продолжил уже тише, почти про себя:

- Я сирота. Не знаю, что такое отцовская любовь, не знаю, каково это - когда кто-то говорит: «Я тут, я с тобой, мы разберёмся». Для меня это всегда было чем-то далёким, почти сказочным. И я точно знаю одно: твой отец хотел для тебя лучшего. Может, он выбрал не самый правильный путь, может, ошибся, может, думал, что так будет легче для тебя. Но он делал всё, что мог.

Лада подняла на него глаза - впервые за весь разговор посмотрела прямо, не сквозь пелену слёз, а по-настоящему. В его взгляде не было жалости, только спокойная, немного грустная уверенность.

- У тебя сейчас есть настоящая семья, - продолжил он, чуть улыбнувшись, но улыбка получилась не весёлой, а какой-то светлой и чуть печальной. - Елена Вячеславовна, Паша, Алина... Они ведь стали тебе родными. О такой семье я мечтал всю жизнь. Просто чтобы кто-то ждал дома, чтобы можно было прийти и сказать: «День был тяжёлый», и тебе бы просто налили чаю и посидели рядом. Это очень много. Это самое главное.

Он снова сделал паузу, будто давая ей время переварить его слова, а потом сказал просто, без пафоса, но так, что эти слова будто легли прямо на сердце:

- Сейчас я бы на твоём месте вернулся домой. Поговорил с папой. Не чтобы всё сразу стало понятно, не чтобы он тут же всё объяснил и все обиды исчезли. А чтобы просто сказать ему: «Я очень сильно тебя люблю». Даже если внутри ещё всё кипит, даже если ты пока не можешь до конца его простить. Просто чтобы он знал, что ты его любишь. Потому что иногда это самое важное, что можно сказать.

Лада слушала его и чувствовала, как буря в груди понемногу стихает, сменяясь не уверенностью, а чем-то другим - тихим, осторожным пониманием, что мир не рухнул окончательно. Что где-то там, в этом запутанном, болезненном клубке правды и лжи, всё ещё есть то, за что можно держаться.

Она медленно подняла голову, посмотрела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.